

Шкляр Анна Вадимовна

магистрант

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

ОНЛАЙН-БУЛЛИНГ ПОДРОСТКОВ КАК СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** в статье рассматривается феномен онлайн-буллинга подростков как социально психологическая и педагогическая проблема современного цифрового общества. Раскрываются сущностные характеристики интернет агрессии, анализируются формы проявления, ролевые позиции участников, психологические и социальные последствия для несовершеннолетних, а также направления профилактической деятельности в образовательной организации. Теоретическую основу составили современные отечественные исследования в области психологии, педагогики и цифровой социализации.*

***Ключевые слова:** онлайн-буллинг, кибербуллинг, подростки, интернет агрессия, образовательная среда, цифровая социализация, профилактика.*

Стремительное развитие цифровых технологий и повсеместное распространение социальных сетей трансформировали характер межличностного взаимодействия подростков, в результате чего виртуальная среда стала неотъемлемым компонентом их повседневной жизни, определяющим способы коммуникации, самоутверждения и социальной идентификации, что одновременно усилило риски вовлечения несовершеннолетних в различные формы деструктивного поведения, среди которых особое место занимает онлайн-буллинг как специфическая разновидность агрессии, реализуемой посредством информационно коммуникационных технологий.

В научной литературе кибербуллинг определяется как систематическое умышленное причинение психологического вреда с использованием электронных средств связи, предполагающее повторяемость агрессивных действий и

неравенство сил, которое в цифровой среде может проявляться как в численном превосходстве участников травли, так и в технологическом преимуществе агрессора, обладающего навыками распространения контента и управления вниманием аудитории [1]. Существенной особенностью данного явления является экстерриториальность, поскольку цифровое пространство не ограничено рамками школы или конкретного коллектива, а также возможность анонимного участия, что снижает субъективное чувство ответственности за последствия собственных действий и способствует легитимации агрессии как якобы допустимого способа выражения эмоций.

Исследования, посвященные распространенности буллинга и кибербуллинга в образовательной среде, указывают на то, что интернет агрессия нередко сопряжена с офлайн конфликтами и продолжает их в сети, однако при этом приобретает дополнительные механизмы воздействия, связанные с публичностью, скоростью распространения сообщений и устойчивостью цифровых следов [2]. В практическом плане наиболее типичными формами онлайн-буллинга выступают оскорбительные комментарии и сообщения, угрозы, публикация и пересылка компрометирующих изображений, целенаправленное распространение слухов, а также исключение из групповых чатов и сообществ, что по психологическому эффекту эквивалентно социальному игнорированию и символическому изгнанию из значимой группы [2; 6].

Анализ эмпирических данных показывает, что подростки зачастую недооценивают глубину травмирующего воздействия онлайн преследования, рассматривая цифровую агрессию как менее значимую по сравнению с физическим насилием, однако переживание публичного унижения и социальной изоляции приводит к формированию устойчивых негативных эмоциональных состояний, включая тревожность, депрессивные реакции, раздражительность и соматизированные жалобы, что особенно выражено при длительном сохранении оскорбительного контента и повторном столкновении с ним в цифровой среде [3; 5]. В ряде случаев кибербуллинг становится фактором, провоцирующим школьную дезадаптацию, снижение концентрации внимания, избегание посещения школы и

утрату интереса к учебной деятельности, поскольку образовательная организация воспринимается не как пространство безопасности, а как источник социальной угрозы [5].

Особый научный интерес представляет анализ ролевой структуры онлайн-буллинга, поскольку в цифровой коммуникации границы между ролями могут быть размыты и ситуативно изменчивы. Исследователи выделяют агрессоров, жертв, наблюдателей и агрессоров жертв, при этом роль наблюдателя приобретает принципиальное значение, поскольку пассивное наблюдение, репосты и лайки агрессивного контента фактически выступают механизмом социальной поддержки агрессора и усиления травмирующего эффекта для жертвы [4]. Подобная динамичность ролей свидетельствует о сложной системе групповых отношений и о том, что виртуальное пространство выступает продолжением офлайн иерархий, усиливая их интенсивность и расширяя аудиторию вовлеченных лиц, а также создавая условия для вторичной виктимизации, когда к нападению присоединяются внешние участники, ранее не связанные с конфликтом [3].

С точки зрения психологических характеристик агрессоров отмечаются импульсивность, стремление к доминированию, дефицит эмпатии и склонность к нормативному оправданию насилия, тогда как жертвы отличаются социальной неуверенностью, повышенной чувствительностью к оценке, выраженной потребностью в принадлежности и признании, что делает их особенно уязвимыми к групповому давлению [4; 9]. При этом цифровая среда создает иллюзию безнаказанности и психологической дистанции, вследствие чего агрессивные действия могут совершаться подростками, которые в офлайн взаимодействии не демонстрируют жестких форм нападения, что позволяет рассматривать онлайнбуллинг как ситуацию, в которой технологические условия снижают самоконтроль и усиливают эффект разобщения между поступком и переживаемыми последствиями [6; 9].

В контексте цифровой социализации значимым фактором риска выступает уровень сформированности цифровой компетентности подростков, включающей навыки безопасного поведения, критическое восприятие информации,

понимание настроек приватности, умение фиксировать доказательства травли и обращаться за помощью, а также осознание правовых аспектов сетевой коммуникации [8]. Исследование цифрового поколения России подчеркивает необходимость развития осознанного отношения к онлайн активности и ответственности за размещаемый контент, поскольку дефицит рефлексии и правовой грамотности способствует распространению практик, нарушающих нормы этики и законодательства, что дополнительно затрудняет профилактику и реагирование со стороны школы и семьи [8; 13].

Для систематизации основных характеристик онлайн-буллинга представим их в обобщенном виде.

Таблица 1

Основные характеристики онлайн-буллинга подростков

<i>Критерий</i>	<i>Содержание проявления</i>	<i>Возможные последствия</i>
Форма агрессии	Оскорбления, угрозы, распространение слухов, публикация фото и видео	Психологическая травматизация, снижение самооценки
Участники	Агрессор, жертва, наблюдатели, агрессор жертва	Закрепление деструктивных ролей, расширение конфликта
Среда реализации	Социальные сети, мессенджеры, игровые платформы	Увеличение аудитории, устойчивость цифровых следов
Психологические последствия	Тревожность, депрессия, изоляция, эмоциональное истощение	Дезадаптация, снижение учебной мотивации
Профилактика	Развитие цифровой грамотности, психолого-	Снижение уровня агрессии, рост

	педагогическое сопровождение	готовности обращаться за помощью
--	---------------------------------	-------------------------------------

Профилактическая работа в образовательной организации должна носить системный характер и включать диагностику уровня агрессии и виктимизации, организацию тренинговых занятий, направленных на развитие эмпатии, саморегуляции и коммуникативной культуры, а также консультативную поддержку подростков и их родителей, поскольку устойчивость проблемы во многом определяется семейными стратегиями реагирования и тем, насколько взрослые способны предложить не карательную, а поддерживающую модель помощи [11]. Существенную роль играет формирование позитивного психологического климата в коллективе, при котором нормы уважительного взаимодействия становятся частью повседневной практики и подкрепляются едиными требованиями педагогов, поскольку непоследовательность реагирования, игнорирование жалоб и формальная профилактика повышают вероятность повторения эпизодов травли и закрепления роли жертвы [2; 11].

Отдельного внимания требует работа с наблюдателями как с наиболее массовой группой участников, поскольку именно они через механизмы социального одобрения задают границы допустимого в цифровом общении. Исследования подростковой агрессии в социальных сетях показывают, что нормализация оскорбительного дискурса снижает чувствительность к чужим переживаниям и способствует воспроизводству агрессивных моделей поведения, поэтому целесообразно развивать у подростков навыки ответственного онлайн участия, включая отказ от распространения травмирующего контента, поддержку жертвы и информирование взрослых, что в совокупности снижает социальную привлекательность агрессии [6].

Практика реагирования на онлайн-буллинг в школе должна включать понятный алгоритм действий, в котором фиксируются шаги по обеспечению безопасности жертвы, сбору цифровых доказательств, вовлечению школьного психолога

и администрации, а также информированию родителей, при этом важно избегать вторичной травматизации через публичные разбирательства и обвинительную риторику в адрес пострадавшего. Методические рекомендации подчеркивают значимость адресной помощи, когда поддержка строится на конфиденциальности, восстановлении чувства контроля у подростка и развитии навыков самозащиты в цифровой среде, включая настройки приватности, блокировку агрессоров и обращение к модераторам платформ [11].

Правовой компонент профилактики предполагает разъяснение подросткам и родителям ответственности за распространение персональных данных, клевету, угрозы и иные действия, совершаемые в сети, поскольку осознание юридических последствий выступает фактором сдерживания и помогает перевести обсуждение проблемы из эмоционально конфликтной плоскости в плоскость социальных норм и ответственности [13]. При этом важно, чтобы правовое просвещение не подменяло психологическую помощь, поскольку переживание онлайн травли связано не только с фактом нарушения правил, но и с глубинными переживаниями стыда, одиночества и утраты доверия к социальной среде, что требует профессионального сопровождения [5; 11].

Таким образом, онлайн-буллинг подростков представляет собой комплексное социально психологическое явление, обусловленное сочетанием возрастных особенностей, специфики цифровой коммуникации и характеристик образовательной среды, что требует междисциплинарного подхода к его изучению и профилактике. Повышение цифровой культуры, развитие эмоционального интеллекта, формирование правовой ответственности и выстраивание школьных практик поддержки способны снизить распространенность интернет агрессии и обеспечить психологическую безопасность несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества [7; 8; 11].

Список литературы

1. Бенгина Е.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка / Е.А. Бенгина, С.А. Гришаева // Вестник

университета. – 2018. – №2. – С. 137–142. DOI 10.26425/1816-4277-2018-2-137-142. EDN YUPIBC

2. Булаев Д.Ю. Буллинг и кибербуллинг среди подростков в образовательной среде / Д.Ю. Булаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2024. – №3. – С. 45–52.

3. Власова О.Н. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва / О.Н. Власова, Ю.Ю. Буслаева // Психология и право. – 2023. – Т. 13. №3. – С. 112–125.

4. Лукашкова И.Л. Кибербуллинг в подростковой среде: актуальное состояние проблемы / И.Л. Лукашкова, М.Н. Сулимова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – №6. – С. 451–457. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p451-457. EDN NOHBZF

5. Никулина И.В. Кибербуллинг в подростковой среде / И.В. Никулина // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – №2. – С. 98–103.

6. Собкин В.С. Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт / В.С. Собкин, А.В. Федотова // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24. №2. – С. 5–18. DOI 10.17759/pse.2019240201. EDN GSIELG

7. Солдатова Г.У. Онлайн агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, Е.Н. Львова // Эпоха науки. – 2017. – №12. – С. 45–53.

8. Солдатова Г.У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик. – М.: Смысл, 2017. – 375 с. EDN XUPTRZ

9. Хломов К.Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К.Д. Хломов, Д.Г. Давыдов, А.А. Бочавер // Психология и право. – 2019. – Т. 9. №2. – С. 276–295. DOI 10.17759/psylaw.2019090219. EDN VWPDUR

10. Ногин Ю.Ю. Кибербуллинг: правовые и социологические аспекты / Ю.Ю. Ногин // Социальные и гуманитарные науки. – 2021. – №4. – С. 73–80.

11. Драганова О.А. Профилактика буллинга, скулшутинга и кибераддикции в образовательных организациях: методические рекомендации / О.А. Драганова, О.А. Болдырева. – Липецк, 2020. – 64 с.